

DOI 10.35775/PSI.2025.121.9.036

УДК 327.3

Е.Д. САВЕЛЬЕВ

аспирант Высшей школы международных отношений
Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: sed1999@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящей статье автор проводит исследование места и роли публичной дипломатии в различных концепциях международных отношений. В качестве примера рассматриваются концепция «мягкой силы» и концепция «стратегических коммуникаций» в международных отношениях. Автором исследуется теория «мягкой силы», отмечаются сильные и слабые стороны данного явления, а также – публичная дипломатия как элемент данной теории. Исследуя концепцию стратегических коммуникаций, автор приходит к выводу, что она является, на сегодняшний момент времени практически применимой и востребованной, особенно в странах западного мира.

Ключевые слова: публичная дипломатия, государство, инструменты реализации публичной дипломатии, политические отношения, мягкая сила, стратегические коммуникации.

Введение. Внешняя политика государства представляет из себя процесс формирования, установления и реализации целей и задач государства в сфере межгосударственных взаимодействий. При анализе и оценке внешней политики конкретного государства следует обращать внимание на множество факторов, в том числе экономическое состояние государства, военно-промышленный комплекс, имидж государства на геополитической арене, и т.д. Помимо факторов, влияющих на оценку внешней политики государства, следует отметить, что существуют инструменты, за счет которых и производится реализация целей внешней политики конкретного государства. В качестве одного из инструментов, применяемых государствами для достижения своих геополитических целей, можно выделить публичную дипломатию, функция которой состоит в формировании положительного мнения относительно государства в глазах зарубежной общественности.

Начиная исследование, целесообразно отметить, что публичная дипломатия с каждым днем становится все более востребованным объектом для изучения в рамках политической науки. Сам по себе принцип достижения государственных целей путем воздействия на иностранную общественность, лежащий

в основе публичной дипломатии, вызывает интерес у исследователей и экспертов по ряду причин.

Одной из наиболее значимых причин укрепления позиций публичной дипломатии как популярного объекта исследования является устаревание традиционных методов ведения международных отношений (применение военных и экономических ресурсов) в связи с изменением геополитической картины мира.

Второй важной причиной является технологический прогресс человечества в части упрощения доступа людей к различным источникам информации. Более того, процесс обмена информацией между людьми также не представляет собой сложный механизм, что, в свою очередь, позволяет обсуждать и продвигать идеи, точки зрения на существующие течения в мировой политике.

В-третьих, современные международные отношения являются все более ориентированными на личность, права и свободы человека и гражданина, чем подчеркивается значимость роли гражданина в политической жизни как отдельного государства, так и мирового сообщества в целом.

Также следует отметить, что актуальной тенденцией является принятие политических и государственных решений исходя из актуальных веяний в обществе в конкретный период. В связи с этим, в политической теории растет интерес к такой концепции, при которой политика государства становится более ориентированным на общественное мнение. Вследствие чего следует заключить, что публичная дипломатия остается актуальным направлением исследований.

Однако, не только сам феномен публичной дипломатии вызывает исследовательский интерес, но и место и роль публичной дипломатии в различных теориях международных отношений, таких как концепция «мягкой силы» и концепция стратегических коммуникаций.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 6; 8; 14; 15; 16; 17; 18].

Однако проблему публичной дипломатии и использование «мягкой силы» нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В 1990 году американский ученый Джозеф Най предложил концепцию «мягкой силы», которая вызвала очень неоднозначную реакцию на его Родине, а чуть позднее – откровенно негативную в России. Скепсис относительно данной теории заключался в том, что она, по своей сути, не содержала в себе никаких принципиально новых аспектов. Основной посыл заключался в том, что на протяжении всей человеческой истории так или иначе имела место «мягкая сила» в виде определенного невоенного воздействия одной социальной группы на другую. Основная же критика строилась на том, что в конце XX века отсутствует

не то что острая, а в целом, необходимость оказания какого-либо воздействия на общественное мнение других государств.

Однако, следует отметить, что отношение к концепции «мягкой силы» претерпело резкое изменение в положительную сторону в начале XXI века. В Соединенных Штатах такое изменение было обусловлено, в первую очередь, событиями, произошедшими на территории государства 11 сентября 2001 года. Следствием этого стало обсуждение вопроса о необходимости построения (усиления) системы американского влияния на арабский мир и его общественность.

Позднее, вопрос о применении «мягкой силы» начал рассматриваться и Российской Федерацией. Так, вышеуказанное понятие нашло свое отражение в Концепциях внешней политики Российской Федерации от 2013 года и 2016 года. Однако, следует отметить, что актуальная концепция внешней политики Российской Федерации от 2023 года не содержит в себе понятие «мягкая сила».

На сегодняшний день имеет место большое количество трактовок и переводов дефиниции, некогда введенной в научный оборот Дж. Наем. Словосочетание «soft power» может быть переведено на русский язык и как «мягкая сила», и как «мягкая власть» [9. С. 91-97; 3], и как «гибкая власть» [7]. В связи с различием переводов данного понятия отсутствует единство не только в научных подходах к изучению содержания данного феномена, но и в определении методов практической реализации «мягкой силы» при ведении внешней политики государства.

Наиболее распространенный подход к толкованию термина «soft power» в отечественной науке – совокупность приемов и способов невоенного воздействия на стороннее государство. Таким образом, под исследуемую категорию попадают как собственно политические, так и экономические методы воздействия. Также необходимо отметить, что как в отечественной, так и в общемировой политической науке понятие «мягкая сила» иногда приравнивается к пропаганде [13. С. 103-125]. Важным является момент, что в сознании большинства людей (в том числе и ученых) термин «пропаганда» имеет ярко негативный окрас, что, в случае отождествления понятий, придает такой окрас и термину «мягкая сила». В таком случае, между мягкой силой, пропагандой и невоенными средствами воздействия нет никакой разницы. Однако, по мнению исследователя, это далеко от истины.

Автором концепции неоднократно давались разъяснения и уточнения относительно предложенной им конструкции, однако незыблемой основой его трудов являлся критерий привлекательности, даваемый определенным положениям, концепциям и т.д. [21]. Именно критерий привлекательности стоит во главе угла при противопоставлении «мягкой силы» методам принуждения, шантажа или силового воздействия. По мнению Дж. Наем, именно привлекательность существенно отличает предложенную им концепцию от пропаганды и подобных мер воздействия. Также следует отметить, что идея привлекательности и стало тем принципиально новым явлением в политической науке, за отсутствие чего критиковали Дж. Наем на заре его исследований, посвященных «мягкой силе».

Пропаганда же, в свою очередь, не может быть основана на критерии привлекательности, поскольку основным приемом пропаганды является осознанная манипуляция сознанием людей, которые могут быть как гражданами собственного государства, так и стороннего.

Стоит отметить, что при анализе данного вопроса выделяется отличие между двумя подходами к международным отношениям, а именно: неолиберального, сторонником которого является Дж. Найт, и реалистского, сущность которого заключается в постоянном соперничестве сторон международных отношений. Реалистский подход, по своему содержанию, не видит принципиальной разницы между «мягкой силой» и пропагандой.

Необходимо обратить внимание на труды исследователя Дж. Найт, в которых описывается разница между двумя вышеуказанными подходами к международным отношениям, отмечая при этом постоянный и растущий интерес лидеров и ученых к концептуальным положениям, заявленных Дж. Наем. Несмотря на это, Дж. Найт утверждает, что сущность концепции «мягкой силы» ближе, все-таки, к реалистскому подходу, поскольку ее фундаментом оказываются исключительно собственные интересы государства.

Ввиду указанного, Дж. Найт предлагает трансформировать понятие «soft power» в «mutual power», что в переводе на русский язык может пониматься как «взаимная сила», как ситуация, при которой взаимодействие между объектом и субъектом воздействия будет содержать в себе результаты, приемлемые для обеих сторон.

Однако, как и отмечается самим автором, и в описанной ситуации остается возможность неравномерного распределения результатов указанного взаимодействия между объектом и субъектом. В качестве одного из вариантов решения данной проблемы автор отмечает необходимость усиленного развития второго направления дипломатии: дипломатии негосударственных участников [20].

Исходя из этого, следует заключить, что Дж. Найт отмечает различием «мягкой силы», применяемой в реалистском и неолиберальном подходах к международным отношениям. Так, первый подход использует «мягкую силу» и ее привлекательность исключительно для реализации собственных интересов государства, тогда как второй направлен на использование «мягкой силы» в целях взаимного сотрудничества и достижения положительных результатов для всех участников взаимодействия.

Стоит отметить, что именно использование «мягкой силы» в неолиберальном подходе к международным отношениям и закладывается Дж. Наем в своей концепции, несмотря на отсутствие точного определения. Возможно, именно здесь и кроется наличие множества трактовок понятия «мягкая сила», часто даже полярно отличающихся от идеи, заложенной Дж. Наем. При этом, следует обратить внимание на то, что в последние годы жизни сам Дж. Найт стал указывать, что нецелесообразно ограничиваться исключительно методами «мягкой силы» при ведении международных отношений [23. Р. 3-18].

Несмотря на описанные положительные черты концепции «мягкой силы» нельзя не отметить, что и пропаганда может приносить свои плоды в качестве метода воздействия на противоположную сторону. Однако, важно понимать, что эффект, который дает применение пропаганды, вряд ли может считаться долгоиграющим.

При всем этом необходимо отметить, что рассмотренное деление «мягкой силы» и пропаганды не является общепризнанной в мировом научном сообществе, следствием чего и является наличие иных подходов к толкованию данных дефиниций, в том числе – их отождествление. Более того, сам Дж. Най, противопоставляя друг другу «жесткую силу» «мягкой силе» признает наличие некоторых общих способов их реализации и целесообразности применения [22]. Таким образом нельзя говорить о наличии строгих границ между рассматриваемыми видами «силы».

Следует отметить, что на практике встречаются примеры того, как в отношении одного и того же объекта воздействия применяются одновременно и способы реализации «мягкой силы», так и «жесткой силы» посредством использования пропаганды. Указанную совокупность методов ведения международных отношений Дж. Най предлагал именовать «умной силой», что в свою очередь порождает вопрос о целесообразности и эффективности одновременного применения «мягкой силы» и пропаганды.

Необходимо обратить внимание на то, что, анализируя феномен «мягкой силы», исследователи относят определенные сферы либо к «мягкой», либо к «жесткой» силе целиком. В качестве примера можно привести экономику государства, которую разные исследователи определяют к разным направлениям «силы», несмотря на то что Дж. Най, относил экономику к «жесткой силе», но признавал, что сама по себе привлекательная модель экономического развития определенного государства в конкретный исторический период может быть отнесена и к элементам «мягкой силы» в равной степени.

Более понятным в рассматриваемом контексте является место и роль публичной дипломатии в качестве одного из элементов «силы». Воспринимая публичную дипломатию как способ несилового воздействия государства на зарубежную общественность, ее следует относить к одному из ключевых элементов «мягкой силы».

Необходимо отметить, что традиционная и публичная дипломатия не являются тождественными понятиями, поскольку публичная дипломатия зиждется на вовлечении во внешнюю политику государства не только непосредственно государственных органов, но и неправительственных организаций и отдельных личностей.

Стоит отметить, что все-таки, являясь инструментом «мягкой силы», публичная дипломатия представляет собой инструмент влияния, что не может быть положительно воспринято объектом воздействия.

Помимо «мягкой силы» как одной из ключевых концепций международных отношений, следует обратить внимание также и на концепцию стратегических

коммуникаций в международных отношениях, а также – место и роль публичной дипломатии в анализируемой концепции.

Необходимо отметить, что XXI век становится периодом развития популярности понятия «стратегическая коммуникация» в научной и практической среде. К примеру, во многих правительственных документах Соединенных Штатов присутствует данный термин, что подтверждает необходимость научного исследования указанного явления. Следует понимать, что стратегическая коммуникация, ее смысл и принципы, могут применяться в различных сферах жизни человека и общества, но все-таки, первоочередным назначением стратегической коммуникации является роль специфического инструмента для ведения международных отношений.

Растущий интерес к проблематике и необходимости применения принципов стратегической коммуникации обусловлен, в первую очередь, тенденцией расширения государствами методов несилового воздействия на стороннее государство, в связи с чем, ставит ее в один ряд с такими явлениями, как информационная или гибридная война, поскольку базовым элементом приведенных способов ведения международных отношений является информация. Но при этом следует обратить внимание на то, что при осуществлении информационной войны, качество и содержание информации расценивается не с точки зрения ее достоверности, соответствия действительности или практической применимости, а исключительно с точки зрения удовлетворения национальных интересов государства. Целью ведения информационной войны всегда будет оставаться принятие государством-объектом информации исключительно в том виде, в котором она преподносится государством-субъектом.

Необходимо также обратить внимание на то, что в политической науке, по сути, отсутствует спор о трактовке дефиниции «стратегические коммуникации». Так, под «стратегическими коммуникациями» следует понимать проецирование государством в сознание национальных и зарубежных целевых аудиторий определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни с ее профессиональным коммуникационным сопровождением [10. С. 80-98].

В отличие от «мягкой силы», понятие, цели и задачи стратегической коммуникации не становятся предметом особых споров в научной среде, в частности, Ричард Халлоран считает, что под стратегическими коммуникациями надлежит понимать способ убеждения людей с целью принятия и согласия с вашими идеями, действиями и политикой.

Расширяя данное понятие, Ричард Халлоран утверждает, что задачами стратегической коммуникации являются:

- убеждение формальных союзников не разрушать устоявшиеся отношения между государствами;
- убеждение государств, не являющихся союзниками, принять вашу сторону, или же – убеждение в необходимости сохранения нейтралитета;

– убеждение политических соперников в вашем превосходстве и возможности доминирования над ними [24].

Обращая внимание на практическое применение стратегической коммуникации, следует отметить, что цели данной концепции были закреплены Вооруженными силами Соединенных штатов, а именно: «Стратегическая коммуникация представляет собой систему долговременных и согласованных действий, реализуемую на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, которая позволяет выявить целевые аудитории, определить эффективные каналы воздействия на них для того, чтобы обеспечить требуемое устойчивое поведение этих аудиторий» [19].

Следует отметить, что научное сообщество в едином порыве признает, что существует 3 (три) основных способа реализации стратегической коммуникации: связи с общественностью, публичная дипломатия и информационная операция. Особенностью стратегической коммуникации является постоянное взаимодействие вышеперечисленных форм реализации между собой.

Е.Н. Пашенцев отмечает, что каждый из способов непосредственного осуществления стратегических коммуникаций имеет ряд специфических особенностей [11. С. 111-118].

В частности, характерной чертой связей с общественностью как способа реализации концепции стратегических коммуникаций является возможность данного способа воздействовать на объект с помощью информации, переданной понятными для него способами передачи информации, иными словами субъект воздействия стремится разговаривать с объектом воздействия «на одном языке».

Особенностью публичной дипломатии как составного элемента рассматриваемой концепции международных отношений является, в отличие от связей с общественностью, возможность осуществления точечного, выборного воздействия на конкретные социальные группы, что считается более эффективным способом воздействия на зарубежную общественность.

Третьей формой стратегической коммуникации являются информационные операции, под которыми подразумевается «интегрированное использование радиоэлектронной войны, компьютерных сетевых операций, психологических операций, военного обмана и оперативной безопасности, включая их сопутствующие и прикладные аспекты, с целью повлиять, разрушить, испортить или перехватить процесс человеческого или автоматизированного принятия решения противником...».

Необходимо обратить внимание на то, что с точки зрения международных отношений, вся концепция стратегической коммуникации зиждется на следующих принципах:

– наличие конкретно определенных целей государства-субъекта воздействия, реализация которых возможна только путем оказания влияния на целевую аудиторию государства-объекта;

- возможность государства-субъекта физически присутствовать на территории объекта воздействия;
- наличие выстроенной системы каналов коммуникации, способствующей оперативно реагировать на изменение геополитической обстановки.

Следует также обратить внимание, что, в отличие от концепции Дж. Ная, объектом воздействия является, по большей части, элита государства-объекта (политическая, научная, экономическая), выступая в роли целевой аудитории воздействия.

Целью описываемого воздействия является необходимость формирования у целевой аудитории такой совокупности взглядов, которые способствовали бы не только оправданию действий государства-субъекта, но и – лоббированию действий государственных органов, направленных на поддержку инициатив государства-субъекта. Такая концепция международных отношений должна, по своей сути, способствовать увеличению влияния конкретного государства над территорией, не относящейся к своей, что в свою очередь, позволит укреплять и расширять свое влияние в выбранном регионе.

Необходимо отметить, что концепция стратегической коммуникации не является панацеей для решения всех проблем, возникающих при ведении государственной политики, что делает данную концепцию уязвимой для критики в научном сообществе. В частности, Д.П. Гавра указывает, что универсализм принципов, заложенных в основу стратегических коммуникаций, не позволяет провести строгое разграничение методов коммуникации, используемые для ведения внутренней и внешней политики государства. Отмечается, что стратегическая коммуникация внутри государства должна осуществляться исключительно с целью поддержания стабильности в обществе и развития коммуникационных навыков между различными социальными группами. В то же время, методы, используемые для внешней стратегической коммуникации, направлены, или должны быть направлены, на государства, являющиеся противниками или потенциальными конкурентами на мировой арене, в связи с чем способы осуществления внешней и внутренней коммуникации должны существенно различаться и не иметь возможности быть взаимозаменяемыми [2. С. 229-233].

Российский исследователь П. Колесов отмечает, что концепция стратегической коммуникации является недостаточно проработанной с теоретической точки зрения. Отмечая употребление термина «стратегическая коммуникация» преимущественно в американских официальных государственных документах, исследователь указывает на смешение в практическом смысле понятий «стратегическая коммуникация», «информационная война» и «гибридная война», что позволяет автору сделать вывод о маскировке истинных приемов ведения международных отношений путем возведения в абсолют концепции стратегических коммуникаций [5. С. 9-14].

Стоит отметить, что публичная дипломатия является одним из наиболее важных элементов концепции стратегических коммуникаций, поскольку дает возможность государству-субъекту воздействия оказывать влияние

на общественность государства-объекта повсеместно. Преследуя цель формирования исключительно положительного образа государства в глазах зарубежной общественности, следует заключить, что публичная дипломатия способствует достижению целей внешней политики государства, реализуемые с помощью концепции стратегической коммуникации.

Заключение. Резюмируя все вышесказанное необходимо подчеркнуть, что феномен публичной дипломатии представляет собой важный элемент концепций и теорий международных отношений, а с учетом растущей популярности данного явления, можно заключить, что будут появляться новые веяния международных отношений, где публичная дипломатия будет являться столпом, вокруг которого будет развиваться соответствующая идея.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Булва В.И. Институты сетевой дипломатии и глобальное управление в многополярном мире // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
2. Гавра Д.П. Категория стратегической коммуникации: современное понимание и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3 (4).
3. Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? // Российский совет по международным делам. 2012.
4. Карпова С.И., Полежайкина Е.В., Родионова Д.С. Публичная дипломатия как инструмент мягкой силы: опыт России и США // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
5. Колесов П. Ведение Соединенными Штатами информационных войн. Концепция «Стратегических коммуникаций» // Зарубежное военное обозрение. 2010. № 6.
6. Матвеева Д.В., Кузякин А.Г. Цифровизация как инструмент «мягкой силы» КНР // Вопросы политологии. 2025. № 4.
7. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. В.И. Супруна. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006.
8. Павлюченко А.А. Сравнительный анализ цифровой дипломатии Соединенных Штатов Америки и Королевства Саудовская Аравия на современном этапе // Вопросы политологии. 2025. № 1.
9. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13).
10. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация Китая в Латинской Америке и ее интерпретация в США // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 36.
11. Пашенцев Е.Н. Стратегическая коммуникация США: проблемы нарастают // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: исторические науки. 2012. № 2 (10).

12. **Сигал Д.Е.** Дипломатия технологий: влияние американских ТНК на систему международных отношений в эпоху цифровой экономики // Вопросы политологии. 2025. № 2.
13. **Цветкова Н.А.** Публичная дипломатия США. Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / Под ред. Панова А.Н., Лебедевой О.В. Москва: Аспект-Пресс, 2018.
14. **Цыбаков Д.Л., Штецберг А.М.** «Мягкая сила» России и Китая как направление международной гуманитарной политики: сравнительный анализ инструментов и результатов // Вопросы политологии. 2025. № 6.
15. **Цян Чун.** Сравнение сходств и различий в стратегиях цифровой дипломатии между Китаем, США и Россией // Вопросы политологии. 2025. № 4.
16. **Цян Чун.** Цифровая дипломатия и информационная безопасность: вызовы и меры противодействия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 4.
17. **Шарапов А.М.** «Острая сила» цифровой дипломатии США в отношении России в период первого президентства Д. Трампа // Вопросы политологии. 2025. № 2.
18. **Шитьков С.В.** Цифровые технологии в практике публичной дипломатии: потенциал метавселенных в музейной дипломатии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
19. Commander's Handbook for Strategic Communication and Communication Strategy Version 3.0. US Joint Forces Command Joint Warfighting Center. 24 June 2010.
20. **Knight J.** The limits of soft power in higher education // University World News. 2014.
21. **Nye J.S.** The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. Oxford University Press, 2002.
22. **Nye J.** Soft Power and Higher Education. 2004. EDUCAUSE.
23. **Renalda B.** None-State Actors in International System of States // The Ashgate Research Companion to Non-State Actors / Ed. by B. Renalda. Burlington: Ashgate International, 2011.
24. **Robert W. Grupp.** «Strategic Communication» Defined. Posted Jan 1, 2013.

E.D. SAVELIEV

Postgraduate student of the Higher School
of International Relations of Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

PUBLIC DIPLOMACY AS AN ELEMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS: THE THEORETICAL ASPECT

In this article, the author conducts a study of the place and role of public diplomacy in various concepts of international relations. The concept of «soft power» and the concept of «strategic communications» in international relations are considered as an example. The author examines the theory of «soft power», highlights the strengths and weaknesses of this phenomenon, as well as public diplomacy as an element of this theory. Exploring the concept of strategic communications, the author comes to the conclusion that it is currently practically applicable and in demand, especially in the countries of the Western world.

Key words: public diplomacy, government, tools for implementing public diplomacy, political relations, soft power, strategic communications.